

УДК 81.25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-18-27

© Горшкова Вера Евгеньевна

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

gorchkova_v@mail.ru

ЭКОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (на материале современного французского кино)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы экологии межкультурного взаимодействия на примере одной французской семьи, включающей представителей пяти этносов, так и не преодолевших национальные стереотипы. Отражая картину мира участников общения, ситуация, характерная для современной эпохи, как лакмусовая бумажка, вскрывает проблемы мира в эпоху глобализации, одной из характерных особенностей которой является развитие новых технологий и интернета. Показано, что достижение толерантности и диалога культур — трудноразрешимая проблема в современном поликультурном мире, что находит свое отражение в дискурсе героев фильма. Исследование проведено на материале комедии французского режиссера Ф. де Шеврона «Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?» (2018).

Ключевые слова: экология, межкультурное взаимодействие, стереотип, картина мира, глобализация, толерантность.

Gorshkova Vera E.

Irkutsk State University, professor

Irkutsk, Russian Federation

gorchkova_v@mail.ru

INTERCULTURAL INTERACTION ECOLOGY (based on the material of modern French cinema)

Abstract. The paper deals with the problems of the intercultural interaction ecology based on the example of one French family who come from five different ethnic groups but have failed to overcome national stereotypes. This situation, so typical of the modern time, reflect the communicators' worldview, like a canary in the coal mine. It is also indicative of challenges the world faces in the age of globalization that is marked, among the other things, by a rapid

development of new technologies and internet. It is shown that it is very hard to attain tolerance and dialogue of cultures in the modern multicultural world what finds its reflection in the discourse of the film characters. The work is based on the analysis of comedy «Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?» (2018) by French director Philippe de Chauveron.

Keywords: ecology, intercultural interaction, stereotype, worldview, globalization, tolerance.

Наша конференция носит весьма символическое и мудрое название: ЭКОЛОГИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ПЕРЕВОД. Название это соединяет три важнейших сущности современности: как невозможно не говорить об экологии, проживая на берегах седого Байкала, так и невозможно говорить о переводе, не опираясь на понятие коммуникации в аспекте межкультурного взаимодействия.

Оговоримся сразу, что в нашей статье не будет идти речи о таких важных междисциплинарных дисциплинах как экология языка или эколлингвистика, поскольку «интеграция научных дисциплин в большинстве случаев приводит к терминологическому сбою» [3, с. 63]. Мы же будем отталкиваться от понятия экологии / экологии человека в самом широком его понимании. Итак:

Эколóгия (рус. дореф. ойкология) (от др.-греч. οἶκος — обиталище, жилище, дом, имущество и λόγος — понятие, учение, наука) — наука о взаимодействиях живых организмов между собой и с их средой обитания.

Экология человека — наука, в сферу интересов которой входит изучение взаимодействия человека как представителя природы и представителя общества со всеми компонентами окружающей среды. Экология человека делает упор на биологической составляющей человека — его здоровье и безопасности жизни.

В этих общих определениях прослеживается сущность человека как отдельного вида в его тесной, практически неразрывной связи со средой обитания и обществом. То есть, с одной стороны, его величество ЧЕЛОВЕК, с другой — СРЕДА и ОБЩЕСТВО, окружающее человека и населяющее эту среду, поскольку, как говорили классики, во-первых, «бытие определяет сознание», а во-вторых, невозможно «жить в обществе и быть свободным от общества».

Соответственно, в нашем стремительно изменяющемся мире человек с необходимостью должен вступать не просто в диалог, а скорее в полилог культур с другими представителями своего вида.

Проблема эта достаточно остро ставится в эпоху глобализации, способствующей стиранию географических границ и облегчению общения людей благодаря развитию новых технологий и сети Интернет. Но эти же факторы требуют изменения самих подходов к общению, увеличению градуса политкорректности дискурса, поскольку межэтническое общение не только не облегчается, но в определенной степени усугубляется вполне оправданным стремлением представителей отдельных этносов сохранить свою национальную самобытность, на что указывают исследователи в рамках лингвокультурологии, психолингвокультурологии и переводоведения.

Упрощению межличностных отношений и социальных контактов в настоящем времени культуры нередко способствуют национальные стереотипы [6, с. 166]. А необходимый социокультурный контекст для анализа создают кинофильмы, показывающие важность развенчания последних, сложившихся в течение веков. В качестве примера можно привести фильм 2014 года американского режиссера Лассе Халльстрёма «Пряности и страсти» совместного производства США и Индии, события которого происходят во французском Провансе и рассказывают о юном индийском поваре, дерзнувшем конкурировать с высокой французской кухней и вышедшем из этого состязания победителем.

Несколько слов об упомянутых выше стереотипах и клише как коррелирующем с ними термине. Обращение к словарным определениям позволяет констатировать их синонимичность: «*клише* — фраза, шаблон, *стереотип*, избитая формула, прописная истина, трафарет, стандарт» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/22922>] (*курсив наш* — В. Г.). Отдельные авторы разводят эти понятия, определяя клише как стилистическую фигуру, в основе которой лежит банальное избитое выражение. При этом, клише может опираться на стереотипное представление всего коллектива, восстанавливаемое читателем/собеседником на основе существующей модели. Другими словами, клише предстает скорее как понятие лингвистическое, а стереотип — как понятие социальное¹.

Как правило, феномен стереотипа рассматривается в аспекте социального взаимодействия как модель (образец, канон) действия и

¹ Traduction et contextes, contextes de la traduction / sous la direction de Michaël Grégoire et Bénédicte Mathios. L'Harmattan, 2017. P. 206.

поведения, «связанная с определенным (национально) детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, обусловленным определенным набором потребностей и мотивов»¹, а собственно стереотип предстает как < ...> некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете и ситуации < ...> вообще» [4, с. 231]. Специфической особенностью стереотипа полагается предсказуемость направленных ассоциативных связей, а также его непосредственная связь с картиной мира, понимаемой как «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании», зависящая «от общего контекста и настроения эпохи» [2, с. 88].

В контексте нашего исследования весьма значимым представляется понятие «стереотип культуры», содержащее как объективное отношение к действительности, так и субъективную оценку, непосредственно выводящее исследователя на социокультурные стереотипы [1, с. 271–272]. В своей статье о «правильном использовании стереотипов» в блестящем переводе А. Ф. Фелелова Берт Петерс говорит еще и о стереотипах мышления (*stéréotypes de pensée*), определяемых как «... способы фиксации различных верований, убеждений, общеизвестных мнений, предрассудков и даже суеверий, принятые в данном языковом сообществе», функция которых состоит в том, что они «формируют совокупный образ членов данного сообщества и их представления о тех, кто к ним не относится». Автор анализирует ряд таких значимых для французской культуры понятий, как «недоверие» и «сомнение», а также феномен французского «бухтения» и «ворчанья» (*râlage*): *Les Français sont des râleurs; La France, une nation de râleurs* [5].

Как не вспомнить слова крупнейшего писателя современности, члена Французской академии Жана д'Ормессона: «Ah! qu'il est difficile de sortir du rideau de fumée des préjugés, des modes, des lieux communs, des fascinations collectives où notre vie entière, notre univers sont comme ficelés et englués!» (*Ах как трудно сбросить завесу предрассудков, моды, избитых мыслей, коллективного ослепления, в*

¹ Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. Вып. 1. С. 18.

которых погрязли вся наша жизнь и весь мир! [8, р. 463] (здесь и далее перевод наш — В. Г.).

На наш взгляд, яркой иллюстрацией этих слов может служить материал «этнической» комедии французского режиссера Ф. де Шеврона «*Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?*» (2018) (букв. «В чем еще мы провинились перед Господом?»), получивший в русском переводе название «Безумная свадьба-2». В основе фильма ситуация в семье добропорядочного буржуа голлиста Клода Вернея, четыре дочери которого «осчастливили» отца избранием в качестве спутников жизни представителей самых разных этносов, соответственно, еврея Давида, араба Рашида, китайца Шао и африканца Шарля, выходца из Кот-д'Ивуар, постоянно чувствующих себя ущемленными, несмотря на французское гражданство, эксплицитными или имплицитными намеками на их происхождение, что находит проявление в дискурсе каждого из героев фильма.

Так, комедийного актера Шарля унижает предложение ничтожных ролей, рассчитанных на участие чернокожих, но обозначенных в сценарии в списке действующих лиц обобщенно — «le Noir». При этом вожделенную роль Отелло в театре отдают белокожему актеру. Актер сетует: *Encore un rôle de diler qui a deux répliques. Regarde, il n'y a même pas de prénom. Il s'appelle « le Noir ».* — *Опять роль дилера в две реплики. Посмотри, у него даже имени нет. Написано: просто «черный»!*

Банкир Шао не чувствует себя в безопасности даже в XVI округе Парижа, что усугубляется информацией, передаваемой СМИ: *Il n'est pas très rassurant, le quartier. Justement, c'est dans les quartiers des riches qu'il y a le plus d'agression ! Les racailles vont pas dépouiller d'autres racailles...* — *Да, квартал какой-то подозрительный. Как раз в таких богатых кварталах больше всего агрессии! Зачем ипане грабить себе подобных...* Соответственно, принимая решение возвратиться в Китай, Шао говорит, обращаясь к детям: *Ça devient trop dangereux, la France! Je vais vous remettre en sécurité!* — *Во Франции становится опасно. Поедем туда, где безопасно!*

Предприниматель Давид тщетно пытается найти нишу для организации бизнеса, предлагая объединиться и заняться сначала совместным производством халяльных биопродуктов, затем — портативных холодильников. Учитывая репутацию евреев как сведущих в такого рода деятельности, остальные зятья соглашаются, но быст-

ро разочаровываются в деловых качествах будущего партнера, предпочтения которого сводятся к аренде богатого офиса в престижном округе Парижа, наличию брендовой машины, дорогого костюма, стоимость которого подтверждается забытой этикеткой, и найму привлекательной секретарши: *Moi, c'est le loup de Wall Street. — Я волк с Уолл Стрит!* Такое поведение Давида не соответствует сложившемуся стереотипу-представлению о том, что евреи хороши в бизнесе, что позволяет Шарлю заключить: *Les Juifs ont le sens des affaires, mais vraiment pas tous... — Да, евреи сведущи в бизнесе, но явно не все...*

Настроения героев резко контрастирует с высказываниями самого Клода Вернея и его жены Мари, делающих все возможное, чтобы семьи дочерей остались во Франции и, соответственно, превозносящих последнюю как райскую страну полную всяческих благ, начиная с великолепной гастрономии и заканчивая технологическими достижениями, в частности, пуском нового высокоскоростного поезда (TGV). Осознание избранности только усиливается после посещения супругами Алжира, Китая, Израиля и Кот-д'Ивуар. Сравните: *La France, c'est le jardin d'Eden! Et nos insectes sont plus gentils que les affreux monstres africains! — Франция — райский сад! У нас даже насекомые не такие кусачие, как эти африканские монстры! Rien n'est plus beau que notre beau pays pour apprécier la douceur de vivre! Quoi qu'on en dise, quoi qu'on en parle! — Что бы там не говорили, ничто на свете не сравнится с нашей прекрасной страной. Вот где сладость жизни! On a tout ici! — Здесь есть все!* И даже полученное по прибытии во Францию сообщение о трехмесячной забастовке железнодорожников, из-за которой супругам придется ехать домой на дорогостоящем такси, не омрачает их радужного настроения: *C'est génial! On est en France! — Отлично! Мы дома!*

Кинодиалог фильмов Ф. де Шеврона отражает культурный диссонанс, характерный не только для французского, но любого другого многонационального общества. Однако, следует помнить, что «культурный диссонанс — явление абсолютно естественное, а его сглаживание или преодоление в условиях глобализации необходимо только в случае появления или во избежание риска серьезного цивилизационного конфликта, ставящего под угрозу традиционные фундаментальные ценности принимающей культуры» [7, с. 51].

К сожалению, несмотря на долгие годы проживания во Франции, наши герои не освободились от стереотипов. Так, Шао принимает на свой счет слова официанта, банально повторяющего заказ нашего героя (пастис), полагая, что последний намекает на цвет его кожи. Давид крайне чувствителен к проявлениям антисемитизма, обнаруживая их даже там, где их нет. Рашид негодует, слыша высказывания тестя по поводу Алжира, видя в последних намек на то, что все арабы террористы: *Je suis très attaché à mon pays, mais pour nous, les rabeus, c'est tendu! — Я очень люблю свою страну, но для нас, арабов, здесь не совсем уютно!*

На этом фоне любопытно стереотипное отношение героев фильма к «третьим» культурам. Клод Верней смирился с происхождением своих зятьев, но принимает буквально «в штыки» появление афганского беженца Араша, порекомендованного местным священником для временного проживания в их доме. Ситуация еще более усугубляется, когда от боли в спине Араш надевает корсет, принимаемый Вернеем за пояс шахида, что вызывает у него приступ жестокой агрессии.

Шарль приходит в ужас от предложения жены уехать в Индию: *En Inde? Mais je vais jamais survivre. Encore plus de virus qu'en Algérie! В Индию? Но там не выжить! Там еще больше вирусов, чем в Алжире!* Аналогична реакция на упоминание об Индии у его отца, госп. Коффи, вызывающая упрек сына, уже привыкшего к этой мысли: *En Inde, le pays où les gens se prosternent devant les vaches? Ils sont bizarres là-bas. Ils sont noirs avec des têtes des Blancs. — В Индию? Где люди преклоняются перед коровами? Они там такие странные — черные, а в голове, как у белых!* А вот опоздание «жениха» дочери на встречу с родителями невесты вызывает его одобрение: *Vingt minutes de retard. C'est vraiment un Ivoirien! — Опоздает на двадцать минут. Наш человек!*

Достаточно резкой представляется и реакция Шарля на книгу Трампа, обнаруженную в машине Рашида: *Quoi? Tu lis du Donald Trump?! — Je vous rassure tout de suite, je ne partage pas ses idées, mais dans le milieu d'affaires c'est le topaze des topazes. Je t'assure, c'est archiporteur, quoi! — Ты что? Читаешь Дональда Трампа? — Поверьте, я не разделяю его идеи, но в деловом смысле ему нет равных! Честно!*

Фильм Ф. де Шеврона предстает как изображение в миниатюре современного мира в эпоху глобализации. С одной стороны, всех проживающих на этой планете объединяет доступ к новым технологиям и всемирной паутине. Герои фильма охотно пользуются Wi-Fi и Skype, позволяющими без затруднений вступать в on-line коммуникацию вне зависимости от расстояния, разделяющего собеседников. В противовес сложившемуся стереотипу-представлению о консерватизме старшего поколения его представители выглядят вполне «продвинутыми». Так, жена Вернея Мари усердно занимается скандинавской ходьбой и, к удивлению дочерей, широко пользуется социальными сетями для обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса (Facebook, Twitter, Instagram, WhatsApp), правда, не всегда верно воспроизводя их названия: Tu as Facebook?! — Mais oui, c'est le curé qui me l'a installé. J'ai aussi Twitter et Instagram. Je suis une grand-mère deux point zéro, comme il dit ! — *Ты в Фейсбуке? — Ну да, мне наш кюре установил. А еще у меня есть Твиттер и Инстаграм. Я бабушка два точка ноль, он говорит!*

Местный священник, приобщающий Мари к использованию новых технологий, вообще не соответствует стереотипу-образу представителя духовенства. Так, однажды он приходит абсолютно не выспавшимся из-за того, что за два дня посмотрел семь сезонов «Игры престолов». Священник молод, охотно участвует в праздниках и ему нет равных на танцполе.

Не забыта в фильме и деликатная проблема однополых браков, при решении которой мы видим Клода Вернея отступающим от своих принципов и прилагающим невероятные усилия, чтобы убедить свата из Кот-д'Ивуар не противиться браку дочери с ее избранницей, что ему в итоге удается: Vous êtes un homme tolerant! C'est que le monde change trop vite ! — *Вы же толерантный человек. Просто мир слишком быстро меняется! Le problème est ce que nous, les anciens, on a du mal à suivre ! — А мы, старики, за ним не поспеваем!* Однако, как только речь заходит о собственной национальной специфичности, особенно о цвете кожи, все стереотипы возвращаются.

Примечательно, что наиболее толерантными и рассудочными в этом контексте предстают матери семейств. Мари Верней следующим образом отзывается о ситуации в семье в ответ на вопрос священника: Je suis une grand-mère très-très heureuse! Toutes ces

couleurs, toute cette mixité n'est que du miel! — *Я счастливая бабушка! Все эти цвета, все это смешение красок — ну просто мед!* Аналогично и отношение жены госп. Коффи к рождению внука: Blanc, noir, c'est pas important. L'enfant est beau. Lui est sa mère se portent bien! — *Белый, черный, какая разница? Младенец — чудо. И он, и мама здоровы!*

Родители в целом играют не последнюю роль в консолидации семьи, нередко выступая в качестве «переговорщиков», отступая от сложившихся принципов в свете изменения времени культуры. Возрастающая толерантность и гибкость их поведения могла бы послужить некой моделью поведения общества в эпоху глобализации.

Искромётные комедии Ф. де Шеврона в гротескной и увлекательной форме показывают этническое разнообразие жителей нашей планеты, приводящее к формированию труднопреодолимых стереотипов в отношении той или иной культуры. При этом обусловленность межкультурной коммуникации опорой на стереотипы характерна не только для сторонних участников межкультурного общения, но и для самих представителей того или иного этноса, что препятствует взаимопониманию и нередко приводит к конфликтным ситуациям. Соответственно, с одной стороны, непреложным условием выживания человека в эпоху глобализации представляется не нивелирование, но стремление к сохранению самобытности той или иной культуры, уважение к национально-культурной специфике каждого народа. С другой, сами участники межкультурного общения должны работать над собой в плане преодоления означенных стереотипов на пути к реальному диалогу культур как залогом мира на Земле на основе эффективного взаимодействия населяющих ее представителей человеческого вида.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2013. 288 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Когнитивное переводоведение: методологические основы и перспективы // «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация:

монография / отв. ред. А. В. Колмогорова. Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2017. С. 49–76.

4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

5. Петерс Б. Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного / пер. с франц. яз. А. Ф. Фелелова // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, вып. 1. С. 84–104.

6. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

7. Фелелов А. Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.

8. Ormesson de J. Au revoir et merci // C'est l'amour que nous aimons. Paris : Editions Robert Laffont, 2012. P. 303–473.